

вание в этих регионах крепких хуторских хозяйств были, по сути, прямой угрозой Советской власти.

Вероятно, в тех странах, где нет запрета на научное исследование причин и последствий голода, следует более тщательно изучить документы и признать, что политические (но не этнические!) мотивы в действиях сталинского руководства по отношению к Украине и Кубани существовали. Во всяком случае, имидж сталинского режима от этого не пострадает, а только уточнится. Целью Сталина было не истребление украинского этноса, а уничтожение особого класса крестьян, который ситуативно имел определенную этническую принадлежность. Возможно, необходимо повнимательнее изучить и достаточно осветить позицию российских исследователей Владимира Бухарского и Кирилла Фролова. По их мнению вину за голодомор несут именно те лица, кто в двадцатых годах начал форсированную "украинизацию" бывших губерний юго-западной России, которая выражалась в искоренении русского языка и культуры и привела к гибели значительного числа представителей русской интеллигенции и духовенства. Один из наиболее активных организаторов "украинизации", председатель СНК УССР Влас Чубарь, подписывает постановление СНК Украины "О борьбе с саботажем на хлебозаготовках", сыгравшее зловещую роль в распространение голода. Среди лиц, чьи действия, привели к началу голода, был большой процент украинцев, участвовавших в политике насильственной "украинизации", поэтому маловероятно, что ими мог осуществляться преднамеренный геноцид этнических украинцев.

1. В.Н. Земсков. Кулацкая ссылка в 30-е годы. Социологические исследования. 1991. №10.
2. Ефименко Г. Всесоюзная перепись 1937 г. в Украине: документы и материалы. Киев, 2003.
3. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994.
4. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов. М., 1995.
5. Кульчицкий С. Демографические последствия голодомора 1933 г. в Украине. Киев, 2003.

Воробьев С.В.
(Екатеринбург)

Моральный облик и должностные преступления уральских управленцев в начальный период НЭПа

Одна из острых проблем периода новой экономической политики заключалась в том, что непрофессионализм представителей формирующегося

советского аппарата управления усугублялся низким морально-нравственным уровнем управленцев и служащих его наполнявших, склонностью части сотрудников к злоупотреблениям, должностным преступлениям. В морально-этическом плане они существенно уступали чиновничеству Российской империи, хотя последнее тоже не являлось идеальным образцом для подражания.

В начале 1920-х гг., когда советская система управления еще находилась в стадии становления, структурные подразделения, призванные осуществлять контрольно-надзорные функции, не справлялись с ними в полном объеме. Жесткая аппаратная вертикаль с контролем партийных органов за деятельностью органов управления также окончательно не оформилась. Подобное состояние советской системы управления признавалось на всех этапах властной пирамиды – от высшего эшелона управления до региональных руководителей. В декабре 1921 г. председатель Екатеринбургского губисполкома С.А. Новоселов следующим образом оценивал состояние административного аппарата исполнительной власти: «Все отделы существуют, аппарат налажен, но [...] хотя формально организационная работа закончена и выполнена, но практически многое еще не удалось провести. Дело тормозится сильно тем, что нет кадра опытных работников, которые могли бы правильно и умело вести работу, приходится их еще обучать и налаживать» (1).

В силу отсутствия действенного, эффективного механизма контроля не только не были изжиты «родимые пятна» прежней царской административной системы, такие как бюрократизм, неповоротливость, бездушные чиновников, коррумпированность, но в известном смысле они проявились более рельефно. Новоявленная советская управленческая «элита», не чувствуя над собой постоянного действенного контроля вышестоящих инстанций, вела себя зачастую вызывающе, нарушая этические нормы поведения, вызывая неудовольствие и возмущение со стороны рабочей и крестьянской общенности, интересы которой должна была бы обслуживать. Невысокие морально-нравственные качества ряда ответственных работников, рассматривавших свой пост как возможность получения материальных благ, также создавали благоприятные условия для коррупции.

Многие из тех, кто стремился попасть во властные структуры нового политического режима, рассматривали власть как источник улучшения собственного благосостояния, личной наживы. Власть как форма служения народу, проявления высокой гражданской позиции оставались для них пустым звуком. Борьба за высокие революционные идеалы, за светлые идеи коммунизма для многих новоявленных работников властных структур были плохо понятны и абстрактны, а блага, которые давала власть, вполне осязаемы и приятны. Такие люди не могли подняться выше примитивного, упрощенного понимания целей власти, ее предназначения. Как следствие этого неспособность и нежелание советских ответственных работников и рядовых сотруд-

ников решать проблемы и задачи, поставленные жизнью, коррумпированность, моральное разложение, злоупотребление властью. Коммунисты во властных структурах из революционных борцов начинают превращаться в обладателей «теплых мест» (должность для них становится самоценностью и самоцелью – личное обогащение, красивая жизнь). И. Нарский рассматривает такое стремление получить должность во власти как элемент стратегии выживания человека в тяжелый период российской истории, «когда в обстановке нараставшей нищеты мотив выживания отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению» (2).

Подобная стратегия поведения получила благоприятную почву для развития в условиях новой экономической политики большевиков. В социальной структуре российского общества вновь возникает слой частных предпринимателей мелкой и средней руки, так называемых «нэпманов». Однако представители этого социального слоя не имели возможность вступить в коммунистическую партию, даже если у них возникало подобное желание. Партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классовой чистоты партийных рядов пролетарской партии, ограждении РКП (б) от «мелкобуржуазного заражения». Не имея возможности напрямую отстаивать свои интересы через партийно-государственные и хозяйственные органы, предприниматели искали неофициальные пути решения своих вопросов, устанавливая неформальные личные отношения с представителями власти, от которых зависело принятие нужного для них решения. Эти доверительные отношения между ответственными работниками, служащими и нэпманами носили, конечно, не бескорыстный характер, а подкреплялись материальными стимулами со стороны последних.

В связи с этим в период нэпа негативные черты поведения молодого советского чиновничества стали проявляться особенно ярко. Возникла благоприятная среда, в которой эти пороки стали расцветать пышным цветом, возобладала мелкобуржуазная психология, начал разгораться алчный азарт стяжательства. В партийных документах этого периода для определения подобных явлений в среде представителей власти в обиход вводится выражение «припадание к нэпу». На практике это выражалось в злоупотреблении служебным положением, взяточничестве, казнокрадстве, т.е. бесконтрольном и нецелевом расходовании финансовых и материальных средств учреждений и организаций, как правило, на собственные нужды, ведение не советского, а фактически буржуазного образа жизни, который и не старались особо скрывать от окружающих. Обращает на себя внимание тот факт, что злоупотребления нередкие и в период «военного коммунизма» с началом нэпа начинают приобретать массовый характер, в них было вовлечено значительное количество должностных лиц, появляются целые преступные группы,

состоявшие из десятков и даже сотен сотрудников различных учреждений и организаций (3).

В условиях нэпа, предоставившего определенную экономическую свободу, возрастала роль и самостоятельность хозяйственных руководителей предприятий и организаций, так как они непосредственно распоряжались продукцией и финансовыми средствами предприятий. Нередко это приводило к злоупотреблению своим служебным положением, бесконтрольному расходованию средств в личных интересах. Советские служащие, в том числе и достаточно высокопоставленные, не обладали контролем над значительными финансовыми ресурсами, поэтому должностные преступления носили незначительный характер. Например, бывший начальник ГПУ Екатеринбургской губернии Храмцов был обвинен в присвоении казенной лошади, которая по документам была проведена как украденная (4). Милиционеры 5-го Алапаевского района, включая командный состав, покровительствовали кумышковым (самогонщикам – *С.В.*), за что получали от них выпивку и взятки (5).

Хозяйственники же в отличие от других управленцев в силу своего особого положения могли совершать более серьезные по своим масштабам должностные преступления. На практике это проявлялось в злоупотреблении служебным положением, когда «хозяйственники, задерживая жалованье рабочим, покупают за миллиарды технически ненужный автомобиль, когда они без нужды взвинчивают индивидуальные ставки, явно за счет рабочих, когда в обстановке огромной нужды устраиваются пышные банкеты и т.д.» (6). Весьма распространенным среди хозяйственных руководителей должностным преступлением являлась крупная растрата денежных и материальных средств предприятия. Уралбюро ЦК, осознавая политическую опасность отрыва хозяйственных руководителей от рабочих масс и от партии, пыталось воздействовать на ситуацию путем издания предупредительных директив, внушений провинившимся хозяйственникам.

Но не всегда постоянный и действенный контроль за деятельностью хозяйственных руководителей был возможен из-за удаленности предприятий (заводов, рудников, приисков, копей) от крупных городских центров. Здесь руководители предприятий были почти не досягаемы для Уралбюро ЦК и губкомов, а решения местных партийных ячеек они игнорировали. Так, на Кылтымском платиновом прииске администрация имела неограниченную власть: «она творит суд и расправу, увольняет и нанимает самостоятельно без биржи труда» (7). Приисковая партийная ячейка во главе с секретарем – членом партии с 1905 г., пыталась отстаивать интересы и права рабочих перед администрацией, но оказалась бессильной в этой борьбе и постоянно терпела фиаско, не находя поддержки со стороны рабочих. Работники прииска боялись администрации, во главе которой стоял «беспартийный спец – пьяница-дебошир» превратившийся фактически в местного «царька». Его

«царское» положение обеспечивало вооруженное подразделение, так называемая Горная охрана, «находящаяся на содержании администрации приисков, следовательно, и выполняющая слепо все ее приказания в какой бы то ни было форме» (8).

В некоторых случаях самовластие хозяйственных руководителей и уверенность в собственной безнаказанности приобретали крайние формы проявления. Так, назначенный в апреле 1922 г. директором Верхне-Салдинского металлургического завода бывший член РКП(б) К.С. Рукавишников повел себя как полновластный хозяин. Он позволял себе рукоприкладство в отношении рабочих, ругал их площадными словами. На заводе была создана система осведомителей, состоявшая «из отдельных лиц администрации, отдельных рабочих и даже партийцев, и горе тому, кто выражает плохое мнение о Рукавишникове, тот будет выброшен из завода или стеснен в чем-либо» (9). Рабочие не видели никакой разницы между управляющим бывшего владельца завода и советским директором – «управителем Средне-Уральского треста Рукавишниковым». Директор держал в страхе не только рабочих, но и завком, заводскую партийную ячейку, и даже волостной комитет партии, открыто заявляя: «всех коммунистов вышибу из завода» (10). В результате ни ячейка, ни секретарь ячейки, ни волком не пользовались у рабочих завода никаким авторитетом, так как не могли защитить их от произвола администрации. Рукавишников имел надежных покровителей в вышестоящих хозяйственных органах и, чувствуя свою безнаказанность, вел себя как настоящий барин: за счет казенных средств устраивал медвежьи охоты, покупал моторные лодки для прогулок, привлекая рабочих в качестве обслуживающего персонала.

Важно отметить, что опасность складывающейся ситуации состояла в том, что искушение нэпом испытали не только хозяйственные руководители, представители исполнительной власти и правоохранительных органов. Подобное явление стало наблюдаться также среди ответственных партийных работников разных уровней. Нравственной коррозией был затронут костяк формирующейся советской системы управления – коммунистическая партия. Сначала это были единичные случаи, но с определенного момента они стали приобретать системный характер. Постепенно такие «мелкобуржуазные привычки» как банкеты, прощальные вечера и другие подобные мероприятия, связанные с проведением различных съездов и конференций, становились нормой партийной жизни. Предпринимались даже попытки узаконить, легализовать подобные явления. Так, например, Кунгурский уком РКП(б) принял решение «признать банкеты в честь ответственных руководителей советских учреждений средством сближения партии с беспартийными» (11).

Такая морально-нравственная эрозия части партийного аппарата в условиях нэпа не осталась незамеченной со стороны нэпманов которые, исполь-

зую затруднительное материальное положение руководящих работников, предлагали им свое содействие в виде финансовой и иной помощи в надежде на ответную благосклонность и содействие. Подобное «сотрудничество» создавало благоприятную почву для злоупотребления властью, коррупции, усугубляло идейное и моральное разложение работников партийного аппарата, приводило к конфликтам внутри партийных организаций. Типичная ситуация сложилась осенью 1922 г. в Мраморской волости Екатеринбургского уезда, где некий екатеринбургский предприниматель С.Л. Стуркович начал отстраивать завод по производству искусственных жерновов и наждачных изделий. Стремясь обеспечить гарантии своему бизнесу, он стал налаживать тесные отношения с руководством местной партийной организации и действовал с таким напором, что «сумел, оделяя членов партии мукой и другими подарками, создать склоку внутри организации». Отмечая факты разложения внутри местной парторганизации, журнал «Уральский коммунист» констатировал: «Пришлось перебросить, вследствие этого, нескольких товарищей. Но эта мера не ликвидировала влияния Стурковича, он продолжает свою «мудрую» тактику и [...] устойчивость Мраморской организации еще колеблется» (12).

Образ жизни части партийной верхушки, не всегда отвечавший партийным идеалам и нормам коммунистической морали на фоне голода и общей тяжелой экономической ситуации на Урале, способствовал тому, что между партийными «верхами» и партийными «низами» накапливалась взрывоопасная «разность потенциалов». Простые коммунисты обвиняли партийное руководство в неспособности, а в ряде случаев и нежелании воздействовать на хозяйственников и нэпманов, говорили о классовой ненависти, возникающей у них по отношению к местному партийно-государственному руководству, в знак протеста стали выходить из рядов РКП(б) (13).

Формированию подобной коррупционной системы отношений способствовала, с одной стороны, неблагоприятная экономическая ситуация в уральском регионе, которая усугубляла затруднительное материальное положение советских управленцев и партийных работников. Официальное материальное вознаграждение было крайне низким, не обеспечивало минимальный прожиточный уровень управленца, не говоря о его семье. В еще более тяжелом материальном положении находились члены партии, не включая и ответственных работников. Как отмечает И. Нарский «вступление в партию еще в меньшей степени, чем устройство на работу в государственные структуры, создавало легальные каналы обеспечения материального благополучия. Оплата труда ответственных партийных работников [...] была номинальной и нерегулярной» (14). В то же время у партийных организаций практически отсутствовала возможность для оказания им существенной помощи. «Уралбюро наталкивается из-за этой невозможности материального обеспечения на огромнейшие трудности при перебросках из губернии в гу-

бернию. Переброшенные товарищи, как правило, оказываются без квартир и без продовольствия» (15).

Партийные инстанции, осознавая серьезную угрозу для авторитета власти и ее нормального функционирования, участвовавших в условиях нэпа фактов морального разложения и коррупции в системе управления, старались противодействовать таким негативным явлениям как взяточничество и «обуржуазивание» и т.п. среди партийных, советских и хозяйственных работников, пресекать их на корню. В результате чисток 1921 г. из рядов партии за взяточничество, вымогательство и другие злоупотребления были исключены около 17 тыс. человек (16). Вслед за этим осенью 1922 г. была объявлена компания по борьбе со взяточничеством, в рамках которой проводились показательные процессы над чиновниками-взяточниками и представителями частного капитала. На Урале отголоском этой компании стало создание в 1922 г. при Уралбюро ЦК РКП(б) областной комиссии по борьбе со взяточничеством. Она добилась определенных успехов в этом направлении, но не всегда ее усилия имели должный результат. В целом работа комиссии была малоэффективной, ее постановления о создании соответствующих подразделений в учреждениях и организациях зачастую игнорировались руководителями этих учреждений, ответственные работники не являлись на заседание комиссии» (17).

Одной из административных мер борьбы с должностными злоупотреблениями являлись частые служебные перемещения ответственных работников, в том числе и территориальные, которые производились для того, чтобы чиновники долго не засиживались на одном месте и не успевали обрастать связями. Далекое не всегда подобные формальные барьеры являлись эффективным препятствием для возникновения преступных кланов и групп, объединявших недобросовестных представителей советской власти. Начальный период нэпа дает нам многочисленные примеры неправомерных действий и серьезных должностных преступлений советских чиновников.

Таким образом, плохая материальная обеспеченность ответственных сотрудников и служащих партийно-государственных, советских властных структур (низкая оплата труда, необеспеченность жильем и продовольствием), усугубленная невысокими личными морально-нравственными качествами, подталкивала их к поиску дополнительных источников существования за счет использования своего служебного положения, т.е. создавала благоприятные условия для коррупционного поведения. Это влекло за собой неоднозначные последствия – с одной стороны, деформировало и искажало систему власти, но в то же время позволяло ей функционировать за счет физического выживания ее конкретных представителей.

---

1. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. 1917-1945. Екатеринбург, 2006. С. 304.

2. Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. М, 2001. С. 444–445.
3. Там же. С. 449–450.
4. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.459. Л.26.
5. Общество и власть... Т.1. С. 348–349.
7. ЦДООСО. Ф.76. Оп. 1. Д. 473. Л. 3.
8. Там же. Ф.76. Оп.1. Д.475. Л.6.
9. Там же.
10. Там же. Л. 230 об.
11. Там же.
12. Там же. Д.473. Л.5.
13. Уральский коммунист. 1922. №4 (октябрь). С.30.
14. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.473. Л.4–5.
15. Нарский И. Указ. соч. С. 454.
16. ЦДООСО. 1494. Оп.1. Д.78. Л.119.
17. Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. №1. С.84.
18. Общество и власть... Т.1. С.328–329.

**Горин И.Н., Менщиков В.В.
(Курган)**

Культурно-исторические символы и историческая память

Память о прошлом, вероятно, присуща всем живым организмам. У растений и простейших она существует в виде генетической памяти, у более сложных видов – в форме условных рефлексов, у млекопитающих в виде памяти, распространяющейся на индивидуальную жизнь. И только у человека она распространяется за пределы личной индивидуальности и существует в виде исторической памяти. Обращение к данному понятию не случайно. В самое последнее время можно говорить о формировании целого направления, по крайней мере, в западной историографии (Франция, Германия), ставящей в центр исследовательского интереса историков именно историческую память (1). «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», – пишет Пьер Нора. Одной из важнейших причин этого исследователь считает, так называемое «ускорение истории» (2), которое ведет к эффекту «автономизации настоящего между непредсказуемым будущим и канувшим во тьму, непрозрачным для нас прошлым... Именно разрывом исторической и временной преемственности объясняется, на мой взгляд, новая актуальность памяти - прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» (3). Таким образом, историческая память в современных условиях становится, чуть ли, не единственной основой утрачиваемой идентичности.